

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. ПЕРСПЕКТИВЫ КОНСОЛИДАЦИИ ТРАНСФОРМИРУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА

К числу важнейших характеристик современного состояния российского общества следует отнести идейно-нравственный кризис, который состоит, в частности, в отсутствии жизнеспособных идеологических конструкций, в основе которых лежали бы принятые обществом идейно-ценностные основания. Эмоциональные и рациональные составляющие национальной идеологии дают человеку, через его приобщение к предписываемым идеологией нормам и ритуалам, психологическое ощущение национальной гордости, патриотизма, осознание того, что он «член команды огромного корабля, который идет по четко заданному курсу»¹.

Смена идеологических конструкций и поиск новых ценностных ориентиров лежит в основе формирования общественного сознания переходного этапа. Будучи по своей природе синкретично, общественное сознание включает эмоциональную и рациональную (интеллектуальную) стороны, в него включаются как осмысленные, сознательно принятые знания, так и мифы, иллюзии, навязанные извне социальные стереотипы. О противоречивости общественного сознания «эпохи перемен» пишет большинство специалистов в этой области (Б.А.Грушин, А.Г.Здравомыслов, В.Г.Федотова, Г.Г.Дилигенский), подчеркивая сочетание в нем логически несовместимых, явно противоречащих друг другу представлений.

Современная социологическая мысль констатирует наличие связи между объективными и субъективными механизмами формирования общественного сознания. Под субъективными механизмами обычно понимается прямые и косвенные формы институционального воздействия на общественное сознание. В переходном обществе это воздействие двойственно. С одной стороны, оно состоит в том, чтобы освободить массовое сознание от существовавших мифов и разрушить или модернизировать соответствующие им социальные ритуалы. С другой стороны, стоит по существу сверхзадача - проектирование «мостов» для перехода к новому типу общественного сознания, в достаточной степени демифологизированному и рациона-

¹ Светлицкая Е.Б. Новая российская идентичность // Общественные науки и современность. 1997. № 1.

лизированному, и формированию новых образцов социального поведения. Под объективными факторами имеется в виду весь комплекс условий жизнедеятельности, реальная практика реформ. Представляется, что в ходе общественной трансформации мера адаптированности к сложившимся социально-экономическим условиям служит хорошим индикатором объективной составляющей механизма формирования общественного сознания.

Субъективные и объективные механизмы формирования общественного сознания могут находиться во взаимном соответствии, когда реальная практика реформ не противоречит институциональным воздействиям. Тогда происходит «умножение» однонаправленных сил и процесс трансформации протекает достаточно динамично и безболезненно. Возможна ситуация, когда оба фактора действуют в исключаяющих друг друга направлениях, что делает процесс трансформации особенно болезненным и в конце концов неизбежно приводит к модификации институционального фактора формирования общественного сознания. Наконец, возможна ситуация, когда объективный и субъективный факторы характеризуются разнонаправленными, но не противоположными векторами, и тогда общественное сознание носит особенно противоречивый характер, а институциональные формы воздействия на него мало эффективны.

Видимо, именно такая ситуация имела место, когда стало ясно, что «шоковая» модель реформ и подкрепляющая ее либеральная идеология резко расходятся с реальным опытом реформирования. Столкнувшись с этим уже с самого начала активных реформ, российская интеллектуальная элита предпринимала попытки создать жизнеспособную национально-государственную идеологию - «русскую идею», способную мобилизовать население и компенсировать неизбежные социальные издержки. Проблема выбора и философско-исторического обоснования путей модернизации осложнялась тем, что не первый раз ставилась в истории России и цена неудачного выбора каждый раз была непомерно высокой.

Материалом конструирования служила «русская идея» в философско-религиозном осмыслении философов начала века. Конструкторы национальной идеологии конца века усматривают в «русской идее» патриотизм, социальную справедливость в качестве основной ценности, нормативность предписаний власти - основы, на

которых должны базироваться национальные интересы. В противном случае общественный организм обречен на экономический крах и нравственное разложение. При этом подчеркивается специфический характер русской ментальности, для которой характерны неопределенность, незавершенность, устремленность в бесконечность, тем самым акцентируется противоположность западного логоса русскому, принципиально неформализуемому.

Оппозицией этому подходу является утверждение об исторической и социально-философской исчерпанности «русской идеи» в ее традиционно понимаемых содержательных аспектах. Наиболее отчетливо эта мысль звучит в работах А. Янова, утверждающего, что эффективное экономическое и социальное развитие возможно только в русле либерализма, функционирования либеральных социальных институтов. Ревнителю «русской идеи» на протяжении истории препятствовали созданию таких институтов, что каждый раз заканчивалось «контрреформой» и выводило Россию из числа развитых стран. Таким образом, новая идеология должна быть «российским западничеством» с правовыми демократическими институтами, стоящими на страже национальных интересов.

Наконец, третье направление рассматривает «русскую идею» лишь как одну из составляющих русской истории и русского менталитета. В основе этого подхода лежит мысль, что Россия соединяет в себе Запад и Восток. По выражению А. Ахиезера, она «застряла между двумя цивилизациями», и поэтому раскол между «русской идеей» и либерализмом есть «машина, порождающая дезорганизацию»². Этот раскол является для России перманентным состоянием, порождающим лишь псевдоэкономику, псевдоурбанизацию, псевдолиберализм. В такой уникальной ситуации любой шаг вперед в одном направлении есть вместе с тем шаг назад в другом. Но, по мнению А. Кара-Мурзы, изначально присущий России раскол между полюсами не полный, а амбивалентный³. Его известной исторической формой был раскол между западниками и славянофилами, отрицающими друг друга и в то же время «связанными общим экзистенциальным переживанием судьбы России», постоянным ощуще-

² Ахиезер А.С. Думы о России: От прошлого к будущему. М., 1994.

³ Кара-Мурза А.А. Государство и общество: два полюса ценностных ориентаций // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. М., 1997.

нием края пропасти, провала в небытие, рожденным страхом «выпадения» из истории, в конечном счете, страхом этносоциальной смерти. Исходя из этого, А. Кара-Мурза делает акцент на проблеме информированности сферы «серединой культуры», гарантирующей от опасности социального обвала. Иными словами, речь идет о необходимости формирования того среднего класса, который выступит противовесом вечному российскому босьяку и люмпену или его alter ego - «хапуге-капиталисту».

В целом, эти три направления конструирования национальной идеологии укладываются в известную социально-философскую проблему «Запад - Восток - Россия» и ту полемическую традицию, которая ей сопутствует. Наряду с этим, звучит мысль о необходимости оставить весь прежний комплекс идей о судьбе России за историческим поворотом, поскольку лишь собственный социальный опыт может являться основой обновленной системы ценностей, сложившейся из многих идей и образов, из которых родится новая национальная идеология.

Так или иначе, если понимать под идеологией целостную, непротиворечивую систему теоретических построений и адекватных им символических образов, которые закрепляют существующий социальный порядок и определяют вектор общественного развития, то следует признать, что национальная идеология в современном российском обществе отсутствует. Это породило «заказ» на разработку новой идеологии, причем предполагается, что тот, кто угадает ее основные черты, обеспечит себе долговременный политический успех. Тем не менее, несмотря на столь заманчивые перспективы, необходимый идеологический конструкт до настоящего времени не создан, а кабинетные усилия по его формированию вряд ли плодотворны. Имеет смысл разобраться в причинах этих неудач.

Наши исследования⁴ показали, что в реальности у человека значительно больше свободы проявления своих патриотических чувств, нежели участие в социальных ритуалах, предписанных господствующей национальной идеологией. Неслучайно, несмотря на

⁴ Исследование включало проведение шестнадцати фокус-интервью, предметом которых было выяснение того, с чем связан образ России в понимании респондентов, как они понимают национальные интересы, как видят путь России. Исследование проведено осенью 1997 года совместно с Е.В.Турунцевым, который и явился соавтором данного раздела.

последовавший за крушением советского коммунизма идеологический вакуум, который создал ситуацию социально-психологической фрустрации для значительной части населения, большинство россиян все же по-прежнему считает себя настоящими гражданами своей страны и ее патриотами, но в значительно меньшей степени чувствительно к соответствующей символике (национальный флаг, герб, гимн, новые национальные праздники). В то же время, респонденты практически едины, очерчивая социокультурное пространство, в котором они видят образ своей страны. Для них чрезвычайно ценны образы русской природы (поля и реки, березки и ромашки), образы старины (церкви, купала, кресты, при том, что эти символы практически не связаны в сознании респондентов с необходимостью отправления религиозных обрядов или соблюдения соответствующих нравственных норм), русская литература.

Отсюда можно заключить, что, хотя национальная идеология и является важным элементом, связанным с определением гражданами своей национально-государственной идентичности (по существу тем элементом, который придает ей некоторую завершенность), идеология не является единственным элементом в системе социальной идентичности и представляет собой всего лишь своеобразную надстройку над социокультурным ядром этой системы. Именно поэтому разрушение советской идеологии отнюдь не означало полного размывания национально-государственной идентичности в основной массе населения.

Более того, именно социокультурные изменения в механизмах национально-государственной идентичности, инициируя процессы ломки существующих идеологий, в конце концов приводят к появлению новых идеологических конструкций. Крах коммунистической идеологии и был вызван теми новыми моментами в самоидентичности советских людей, которые зародились и набирали силу в 60-80-е годы. Они прежде всего проявились в партикуляризации интересов, приватизации личной жизни, реального ухода в сферу быта, при прокламировавшемся советской идеологией примате жизни общественной. На микросоциальном уровне начинался переход от тотальных общественных интеграторов к более модернизированным, которые определялись частными, отделенными от государства интересами и новыми способами их реализации и согласования.

Характерно, что с уже середины 60-х годов героико-патриотическая символика и риторика, связанная с доблестным трудом, воспринимается как казенная и заменяется на ту новую, которая и до сих пор символизирует в массовом сознании (в основном через образы кинематографа) присущие россиянам национальные особенности характера: мягкость, душевность, простоту и добросердечность в отношениях между людьми. Уже в 70-е годы были созданы первые обыденные и праздничные ритуалы этой новой идентичности, связанные не с парадами и демонстрациями, а, например, с ежегодным семейным просмотром в предновогоднюю ночь рязановской «Иронии судьбы».

Начавшие формироваться двадцать - тридцать лет назад массовые современные урбанистические и потребительские установки приобрели в тот период даже несколько гипертрофированные формы, поскольку в условиях существовавшего социально-экономического уклада они не могли быть сбалансированы необходимой мерой социальной ответственности за достижение своих частных интересов, в том числе и потребительских. По существу эти установки поддерживались вторым большим идеологическим мифом времен «развитого социализма», особенно распространенным среди жителей больших городов и представителей региональных элит, - мифом о возможности быстрого и относительно безболезненного перехода от унитарного советского социализма к цивилизованному социализму шведского типа.

Наши исследования конца 80-х годов показали, что в массовом сознании шведская модель национально-государственного устройства - с высокими стандартами индивидуального потребления и в то же время достаточной мерой патернализма в социальном укладе - была доминирующим социальным идеалом для тех слоев населения, которые ориентировались на модернизацию. Вскоре, однако, стало ясно, что идеологический миф быстрого перехода к государству всеобщего благоденствия, на который опирались реформаторы-демократы, не выдерживает столкновения с реальностью социально-политической трансформации.

Таким образом, в настоящее время мы переживаем очередной этап процесса, начавшегося задолго до распада СССР. Этот этап является последовательным звеном в цепи модернизации общества,

затрагивая не только институциональную сферу, но и глубинные социокультурные пласты, детерминирующие способы национально-государственной идентичности россиян. Характерной чертой нынешнего этапа становятся радикальные институциональные изменения, связанные с модернизацией политической и экономической сфер, т.е. созданием рыночных структур и укреплением структур гражданского общества.

Меняющаяся система социальных институтов, переводит уже сформировавшиеся культурные и потребительские установки из сферы желаемого в сферу действительного, что требует от людей мобилизации всех имеющихся ресурсов, их конвертации в новый, значительно более широкий набор потребительских благ и политических свобод и, в конечном счете, обретения новых социальных статусов.

Кризисное состояние, в котором оказалась преобладающая часть населения, выражающееся в неосвоенности новых, адекватных складывающимся институциональным формам образцов хозяйственного поведения и несформированности устойчивой социальной идентичности, является объективной характеристикой переходного периода развития российского общества.

Крушение перестроечного мифа о быстром скачке в богатый и свободный капитализм, создает не меньшие, если не большие затруднения в оформлении новой национальной идеологии, чем крушение мифа советского. Применительно к переходному периоду поэтому можно говорить и о наличии переходного типа идентичности, совмещающего в себе черты формирующегося современного типа личности и традиционалистские ценности и установки. В выявлении соотношения и взаимосвязи этих двух тенденций, участвующих в формировании современной российской идентичности, и состоит одна из основных задач политического маневрирования.

В этой связи, следует, видимо, отказаться от того, чтобы сосредоточивать основные усилия на конструировании новой идеологии, а изучать изменения в механизмах идентичности, проявляющиеся в образах и символах, на которые опираются люди в обыденной жизни и которые позволяют им считать себя гражданами новой России, членами единого сообщества и, главное, позволяют определять вектор собственной жизненной стратегии даже вне контекста

идеологически-абстрактных рассуждений о «будущем великой капиталистической или же коммунистической России». Подчеркнем, что, по данным наших исследований, именно характер этих индивидуальных жизненных стратегий является главным основанием для политического выбора населения, т.е. его реальным мотиватором.

Поставленная на повестку дня проблема необходимости срочного создания новой национально-государственной идеологии, которая могла бы быть использована также и как политическая идеология реформирования - составная часть более широкой проблемы - смены механизмов национально-государственной идентичности. Именно поэтому задача создания новой идеологии должна рассматриваться только в общем контексте с процессами социокультурной трансформации. Кризис идентичности, порожденный сломом двух идеологических мифов последних десятилетий идет параллельно с кризисом адаптации к новым социально-политическим реалиям, и потому новая жизнеспособная идеология, скорее всего, может возникнуть только как результат самой практики модернизации общества, т.е. как результат адаптации основной массы населения к тем изменениям, которые произойдут в ядре национальной культуры.

Сложившиеся в советский период российской истории диспропорции в структуре ценностных ориентаций, которые были связаны с подчиненностью (если не подавленностью) ценностей частной жизни пафосом строительства коммунизма, для достаточно представительных социальных групп в настоящее время компенсируется приоритетом частных утилитарно-бытовых ценностей над ценностями, связанными с национальными интересами. Для не менее крупных социальных групп, неспособных в сложившейся ситуации компенсировать потерю Россией статуса великой державы частными прагматическими приобретениями, выходом становится ретро-ориентация и апелляция к старым идеологическим конструкциям.

Между тем, приоритет частных интересов, порождающий ориентацию на индивидуальный успех, вовсе не исключает стремления к общенациональному успеху. Если в коммуно-патриотической интерпретации общенациональный успех становится иррациональной самоцелью, сверхзадачей национального мессианства, ради достижения которой нужно поступиться всем, кроме «принципов», то

прагматическое отношение к успеху в национально-государственном масштабе имеет вполне рационально-инструментальный характер: будучи гражданином сильного и процветающего государства, гораздо легче достичь и личного успеха. Наши респонденты именно в этом контексте склонны анализировать социально-политическое и геополитическое положение страны. Сильные позиции России на мировой арене они связывают с возможностями международного сотрудничества, открытого общества. Вместе с тем, все более негативно они оценивают роль Запада, который, по их мнению, не заинтересован в экономическом росте России и сознательно и целенаправленно удерживает ее в рамках финансовой зависимости. При этом респонденты демонстрируют определенное противоречие, с одной стороны, выступая за развитие российской промышленности и поддержку отечественных товаропроизводителей, а с другой стороны, отдавая предпочтение импортным товарам (кроме продуктов питания), поскольку российская промышленность «никогда не сможет обеспечить высокого качества».

Перечисляя целый ряд провалов политики России внутри страны и на международной арене, респонденты затруднились с ответом на вопрос, что является достижениями России за последние годы, если не считать таковыми отсутствие широкомасштабной гражданской войны и того, что удалось избежать распада страны. В качестве единственного положительного примера были названы спортивные успехи. Отсутствие позитивных примеров в настоящем вынуждает респондентов искать позитив в отдаленном или недалеком прошлом.

Сопоставляя личные успехи с социально-экономическим контекстом, респонденты продемонстрировали две позиции: они либо считают, что при нынешней ситуации вряд ли могут добиться ощутимого успеха, либо полагают, что их личный успех достигнут вопреки или в обход государства. Роль государства при этом также имеет два толкования: респонденты, считающие, что не достигли больших успехов в жизни, склонны апеллировать к государству, подчеркивая, что созданная институциональная среда не просто нейтральна, а враждебна; те, кто успешно реализовал жизненные стратегии, считают, что государство слишком слабо, чтобы на них заметно влиять.

Оба эти толкования ставят в центр внимания проблему доверия населения, различных социальных слоев к власти, которое «является ключевым фактором и неприменным условием поступательного развития общества»⁵. Ф. Фукуяма выделяет общественное доверие как элемент, во многом определяющий характер экономики данной страны, логику, возможности и пределы ее развития⁶. Для того чтобы демократические институты и рыночная экономика могли работать, они должны опираться на определенную меру доверия к ним со стороны населения, которое бы поддерживало их нормальное функционирование.

Если начиная с 1993 года накал недовольства властью постепенно снижался и ядро «протестного» электората не превышало 20%, то с марта 1998 года активный протест против действий властей заметно вырос. Внезапная и слабо мотивированная отставка никем особенно не любимого правительства поколебала, тем не менее, начавшее складываться мнение о какой бы то ни было последовательности и законности действий высших эшелонов власти, погасило надежды, связанные с обещаниями начала экономического роста. Вместо соблюдения несовершенных правил игры началась игра без правил, в результате чего были утрачены признаки легитимности власти в глазах населения. Кроме того, растет представление о слабости власти. Власть, по мнению большинства населения (независимо от политических ориентаций), не обладает политической волей для наведения порядка в стране. Респонденты, в принципе придерживающиеся модернизационной ориентации, признавая важность демократических процедур для организации в обществе нормальной жизни, на 70% согласились с необходимостью «сильной руки» для наведения порядка в стране. Между тем, идея сильной власти носит достаточно утопический характер, далекий от реальной политической практики. Власть, способная проводить жесткую политику, должна, по общему мнению, наводить порядок «наверху», никак не затрагивая жизнь рядовых граждан.

Доверие к власти падает и из-за чрезмерного участия в ее функционировании бизнес-элиты. Зависимость властных решений от

⁵ Мильнер Б. Фактор доверия при проведении экономических реформ // Вопросы экономики. 1998. №4.

⁶ Fukuyama F. Trust: The Social Virtues and Creation of Prosperity. Simon & Schuster, 1995.

позиции «олигархов» порождает уверенность в том, что все ветви власти куплены и дезинформируют общество в своих корыстных целях. Отсюда растущее недоверие к «купленным олигархами» средствам массовой информации. Отношение общественного мнения к магнатам, претендующим на определение политического курса страны, крайне негативно, что ставит под сомнение как легитимность данной элитной группы, так и престижность «достижительных» жизненных сценариев. В этом смысле легитимные выборы политических фигур с явными криминальными связями можно рассматривать как «превращенную» форму аполитичного прагматизма.

О том, что сегодня уровень доверия к различным государственным институтам чрезвычайно низок, свидетельствуют следующие данные, полученные Институтом социальных и национальных проблем (см. табл. 6.6).

Таблица 6. 6. Уровень доверия к различным общественно-политическим институтам

Политические институты	Число респондентов в %		
	доверяют	не доверяют	затруднились ответить
Президент РФ	20,1	53,4	26,5
Правительство РФ	18,7	55,1	26,2
Государственная Дума	14,2	54,2	31,6
Совет Федерации	13,9	42,4	43,7
Вооруженные Силы	38,3	34,1	27,6
Милиция	18,9	58,1	23,0
Религиозные организации	34,1	29,7	36,2
Политические партии	8,0	51,3	40,7
Профсоюзы	18,9	47,7	33,4
СМИ	30,7	34,8	34,5

Тот факт, что практически все государственные и общественно-политические институты имеют отрицательный индекс доверия, свидетельствует о полномасштабном кризисе легитимности всей политической системы российского общества.

Кризис доверия еще больше затрудняет решение проблемы консолидации российского общества. Наши исследования показывают, что модернизационно ориентированная часть населения представляет несколько групп: неидеологизированных прагматиков, сторонников либеральных ценностей и приверженцев модернизации авторитарными методами. Представляется, что консолидация этих групп осуществима не в рамках нового мессианского предназначения России, будь то апелляция к славным прообразам в советском и до-советском прошлом или к призрачным перспективам либерального капитализма, а в обращении к таким образам и символам, которые бы поддерживали элементы национальной идентичности, служащие людям опорой в их обыденной жизни.

Сторонники возрождения жестких идеологических конструкций (с очерченными приоритетами общенациональных ценностей) склонны усматривать признаки грозящей бездуховности в распространении ценностей прагматизма и утилитаризма. Вместе с тем, данные наших исследований показывают, что как раз утилитарно-прагматическая, а не идеологическая ориентация в политической сфере в наибольшей степени смыкается как с ориентацией на здоровые истоки национальной культуры, так и с интересом к ее наивысшим достижениям. Прагматическая, неидеологизированная ориентация не ведет ни к культурной деградации, ни к ценностному релятивизму. В условиях городской культуры она по существу опирается на либеральный ценностный комплекс, включающий такие ценности, как свобода, благосостояние, личный успех, которые, соединяясь в обыденном сознании с традиционными ценностями (неаскетической религией, семьей, авторитетным государством), не входят в противоречие с утилитарно-прагматическими установками.

Существенным моментом в процессе обыденного осмысления реальности и выработки продуктивной индивидуальной жизненной стратегии является «образ будущего». Несомненно также, что он присутствует и в прагматических стратегиях, связанных с orienta-

цией на личный успех и благосостояние. В то же время, нестабильная политическая ситуация, отсутствие сформированных «правил игры» препятствуют выстраиванию длительных стратегий. Возвращаясь к типологии Макса Вебера, следует, видимо, ввести, наряду с целе-рациональным и ценностно-рациональным типами поведения, еще один - ситуативно-рациональный, характеризующий доминирующий тип адаптационного социально-экономического поведения трансформирующегося общества в российском варианте. Неслучайно наиболее слабым местом в идеологическом оформлении модернизации является как раз недостаточная проработка символических знаков будущего. Отсутствие адекватной символики имеет глубокие причины. Одной из них является, на наш взгляд, именно то, что, отыскивая новые идеологемы и не находя их, взор обращается к привычным и наиболее универсальным, старым, символы которых поддерживают национальную идентичность. Отсюда бесконечные ремэйки (от Храма Христа Спасителя до фигуры Петра Первого работы З. Церетели).

Другая причина отсутствия образа будущего гораздо глубже. В сложившемся ныне социальном пространстве личный успех во многом перестал быть следствием продвижения по нормальным каналам социальной мобильности. Он не определяется квалификационно-профессиональным ростом, что характерно для развитых индустриальных систем, и сосредоточен в чрезвычайно узком коридоре профессиональных возможностей. Это ставит проблему создания позитивных образов будущего, прежде всего, через профессиональный успех (как, например, достижения в спорте, признание в искусстве) и другие символические образцы, связанные с широким спектром продуктивных сценариев социальной динамики.